

Оглавление¹

Подсекция «Славянская филология»

<i>Белова М.Н.</i> Полипрефиксальные глаголы в идиолекте Григория Цамблака (XIV-XV вв.).....	270
<i>Галанина А.В.</i> Кодификация грамматических форм и их реальное функционирование в словацком литературном языке.....	272
<i>Докучаева В.И.</i> Типы повествования от первого лица в польской литературе (на материале произведений И. Красицкого, М. Хласко, О. Токарчук).....	274
<i>Королькова П.В.</i> Модификация жанра авторской сказки в чешской литературе рубежа XX–XXI вв.....	276
<i>Кресан Я.Ю.</i> Образ маленького человека в романе словацкого писателя.....	277
<i>Полищук Е.Б.</i> Современная украинская литература: основные тенденции развития.....	279
<i>Хазанова М.И.</i> Нейтральная форма обращения в современном украинском языке.....	282

¹ Внимание! Страницы электронной версии не совпадают со страницами опубликованного сборника секции «Филология»!

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Полипрефиксальные глаголы в идиолекте Григория Цамблака (XIV–XV вв.)

Белова Мария Николаевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Полипрефиксация (наличие двух или более приставок в составе глагола) является живым и продуктивным явлением в современном болгарском языке, особенно в его разговорной форме. Эти глаголы в современном болгарском языке можно подразделить на две категории: слова с экспрессивной окраской и книжные слова высокого или делового стиля, сохраняющиеся преимущественно в письменной речи и унаследованные из предшествующих периодов истории языка. Уже в старославянском языке представлено определенное число таких глаголов; многие из них строятся по греческим моделям и, вероятно, образованы под греческим влиянием при переводе библейских текстов на славянский язык.

В языке Григория Цамблака (болгарского автора рубежа XIV–XV вв.) образование глаголов с несколькими приставками представлено очень широко. В полном списке слов автора содержится 130 глаголов, в состав которых входит 55 различных комбинаций префиксов. Наиболее частотными являются сочетания *про-из-*, *прѣдъ-въз-*, *прѣдъ-по-*, *прѣдъ-оу-* (по 5 лексем) и *съ-въз-*, *съ-по-*, *съ-при-* (по 4 лексем).

Обращает на себя внимание тот факт, что полипрефиксальные глаголы представлены в идиолекте Григория Цамблака (ГрЦ) значительно шире, чем в классических старославянских памятниках (КСП). Из 130 слов этого типа 94 (72%) не регистрируются в старославянском языке. Сопоставление данных би- и трипрефиксальных комплексов в составе глаголов у ГрЦ и в КСП (причем не важно, содержатся эти комплексы в тех же словах, что и у ГрЦ, или в некоторых других), показывает, что около половины сочетаний (28) встречается в глаголах старославянского языка, а остальные (27) не регистрируются в составе старославянских глаголов. Особенно это важно в тех случаях, когда в языке ГрЦ сочетания приставок входят в состав нескольких не однокоренных глаголов: *съ-при-* (4 разных основы (5 слов)), *прѣдъ-на-* (3 разных основы (3 слова)), *прѣдъ-въз-* (4 разных основы (6 слов)), *про-из-* (5 разных основ (6 слов)).

Большинство би- и трипрефиксальных глаголов образовано с помощью приставок или имперфективирующих суффиксов.

1. Глаголы, образованные приставочным способом, могут мотивироваться соответствующим производным префиксальным глаголом, который, в свою очередь, возводится к первичной глагольной основе. Приставки в та-

ком случае присоединяются последовательно, модифицируя значение производящего глагола.

Значительно реже производящий глагол с одной приставкой не регистрируется у ГрЦ, не подтверждается его наличие данными КСП и данными словарей. В таких случаях следует считать, что полипрефиксальный глагол образован сложным словообразовательным формантом, составленным из двух префиксов, например, **опроврѣшти** и др. Но отсутствие глагола с одной приставкой является не единственным доказательством образования глагола при помощи сложной приставки. В ряде случаев независимо от того, существует ли соответствующий глагол с одной приставкой, значение бипрефиксальной группы в составе того или иного слова оказывается неразложимым на значения двух входящих в неё префиксов, т. е. конструкция из двух префиксов не может быть разделена на элементарные составные части в силу фразеологичности её значения. Например, глагол **произвести** следует считать образованным непосредственно от глагола **вести**, а не от **извести**, **ненавидѣти** – от **видѣти**, **прѣподати** – от **дати**, **произити** – от **ити**. При решении вопроса о мотивации глагола должно учитываться также возможное калькирование греческих слов и моделей.

2. Ещё сложнее определить способ образования вторично имперфективных глаголов, содержащих две и более приставки. Вторичные имперфективы в языке исследуемого периода обычно образуются как третье звено словообразовательной цепочки от производного префиксального глагола. Но это правило не всегда справедливо в области полипрефиксальных глаголов НСВ, поскольку полипрефиксальный имперфективный глагол может быть образован путем префиксации имеющегося вторичного имперфектива. Подобное образование вторично имперфективных глаголов нарушает общую систему имперфективного словопроизводства. Например, для глагола **съпрѣбывати** 'находиться (где) совместно (с кем)' ни у ГрЦ, ни в словарях не регистрируется производящий перфектив ***съпрѣбыти**; данный глагол, несомненно, образован от имперфективного глагола **прѣбывати**. Как и в случае с полипрефиксальными глаголами СВ, во многих случаях установление единственно верного способа образования является затруднительным.

Калькирование греческих префиксальных словообразовательных моделей было свойственно ещё старославянскому языку. Общеизвестно влияние греческих образцов на словообразовательные модели с префиксами **про-**, **прѣдъ-** (в зн. 'вперёд' / 'ранее') и **съ-** (в зн. 'вместе с').

Известно, что ГрЦ получил образование по византийскому образцу и, несомненно, очень хорошо владел греческим языком, хотя и нет точных сведений, переводил ли он греческие тексты и сочинения, каких именно византийских авторов он мог использовать при написании проповедей. Это

позволяет допускать греческое влияние на язык ГрЦ в области префиксальных (в том числе полипрефиксальных) глаголов.

Сопоставление с лексикой греческого языка показывает, что

– более 60% полипрефиксальных глаголов (с 36 различными приставочными комплексами) имеют предположительные греческие соответствия;

– среди этих слов следует различать кальки, полукальки и слова, образованные по греческим словообразовательным моделям, возможно, даже самим ГрЦ.

1. Полными кальками является значительное число глаголов в языке ГрЦ, полностью повторяющих морфемную структуру греческого слова. В них представлены комплексы **прѣ-въз-** (*υτερ-ανα-*), **прѣдѣ-въз-** (*προ-ανα-*), **про-из-** (*προ-εκ-*), **про-оу-** (*προ-κατα-*), **съ-въз-** (*συν-ανα-*), **съ-из-** (*συν-εκ-*), **съ-отѣ-** (*συν-απο-*), **съ-по-** (*συν-δια-*), **съ-прѣ-** (*συν-παρα-*), **съ-оу-** (*συν-κατα-*), **рас-по-** (*δια-απο-*) и др. Большинство этих поморфемно калькированных слов не представлено в КСП.

2. Полукальками мы считаем такие слова, которым в греческом соответствуют глаголы с одной приставкой, она и калькируется в славянском слове, корневая основа же переводится префиксальной славянской основой. Эта группа очень многочисленна и содержит в качестве первого префикса **про-** (*προ-*), **прѣдѣ-** (*προ-*), **съ-** (*συν-*), **из-** (*εκ-*), **прѣ-** (*παρα-* и *υτερ-*), **раз-** (*δια-*), **въз-** (*ανα-*).

3. По греческим моделям (возможно, в результате словотворчества) при использовании словообразовательных возможностей родного языка образованы слова, греческие соответствия которых – также полипрефиксальные глаголы, но поморфемный перевод осуществить невозможно.

Хотя значительная часть полипрефиксальных глаголов ГрЦ представлена в современном болгарском языке, они чаще всего являются книжными словами, а модели, по которым они образованы, не продуктивны (за исключением некоторых комплексов, не очень продуктивных у ГрЦ). Следует констатировать, что в области полипрефиксальных глаголов в языке ГрЦ нельзя усматривать влияния живого болгарского языка.

Кодификация грамматических форм и их реальное функционирование в словацком литературном языке

Галанина Анастасия Валериевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Выявление отклонений реального функционирования тех или иных грамматических форм от кодифицированных правил является чрезвычайно актуальной задачей современной лингвистики, так как приближает исследователей к установлению нормы, объективно существующей в литературном языке.

ке. Для словакистики оно имеет особенно важное значение, поскольку словацкие лингвисты, как правило, отождествляют кодификацию и норму литературного языка, вследствие чего изучением последней практически не занимаются. Вместе с тем словацкий литературный язык довольно быстро изменяется, а последнее подробное описание его морфологической системы относится к 1966 г., поэтому можно предположить, что уже вследствие этого реальное функционирование будет не во всем совпадать с этим описанием.

Предметом нашего изучения является функционирование форм именительного падежа множественного числа одушевленных существительных мужского рода (тип *chlap* ‘мужчина’), в парадигмах которых в названном падеже представлены три флексии: *-i*, *-ia* и *-ovia*. Материал для изучения был извлечен из сети Интернет.

Анализ материала показал, что реальное употребление рассматриваемых форм в некоторых случаях практически совпадает с их кодификацией, однако в ряде случаев были выявлены существенные отклонения. В целом же можно отметить, что в реальной языковой практике наблюдается выраженная тенденция к доминированию флексии *-i*, все более расширяющей сферу своего употребления. Подобное явление представляется закономерным, так как продолжает предшествовавшее развитие словацкого литературного языка: еще в начале XX в., например, многие существительные, обозначающие народы, имели формы с флексией *-ovia*, которые, однако, позже вытесняются формами с флексией *-i*.

В результате исследования весь материал можно разделить на две большие группы:

1. Существительные, согласно кодификации имеющие окончание *-ia*. За исключением редких окказиональных примеров их реальное функционирование полностью соответствует кодификации. Таким образом, эта группа является устойчивой и замкнутой.

2. Остальные существительные. В этой группе наблюдается конкуренция окончаний *-i* и *-ovia*. Прежде всего отклоняются от кодификации в пользу флексии *-i* существительные, которые в соответствии с правилом имеют дублетные формы. В остальных случаях, то есть для существительных с кодифицированной флексией *-ovia*, победа флексии *-i* еще не очевидна, однако ее проникновение последовательно выражено. Этому способствуют различные причины: а) фонетические: многосложность слова или его производность от двух основ; б) стилистические: экспрессивное употребление или употребление в обиходно-разговорной речи; в) семантические: появление у слова нового окончания исключительно при использовании в определенном значении. Препятствует же проникновению флексии *-i* существующая в словацком языке тенденция к избеганию чередований в конце основы, а также отнесенность определенных

существительных к древнейшим пластам лексики – такие слова последовательно сохраняют исконные флексии, зафиксированные в кодификации.

**Типы повествования от первого лица в польской литературе
(на материале произведений
И. Красицкого, М. Хласко, О. Токарчук)**

Докучаева Виктория Игоревна

Аспирантка Российского государственного гуманитарного университета, Москва

Важность смены типов сознаний в динамике литературного процесса подчеркивал еще Веселовский в «Исторической поэтике»: именно появление абстрактного мышления, по его мнению, привело к разделению языка на прозаический и поэтический, а осознание автором себя как личности выделило его голос из коллектива [см. Веселовский: 42–59].

Сознание автора – «носителя концепции всего произведения» [Корман: 199–207] и сознание героя, представляемое первым, входят в особые отношения в такой специфической форме субъектной организации текста, как повествование от первого лица. Повествование этого типа может манифестировать не только картину мира, в центре которой эгоистическое «я», но и иные варианты присутствия «я» в художественном мире произведения: «я-не-я» («я», не раскрывающее своего внутреннего мира, «бумажный» персонаж) и «я», переживающее кризис и пытающееся найти выход в иное сознание. Эти два последние невозможно выявить без обращения к языку, композиции произведения – словом, всему, что позволяет нам судить об авторской картине мира. Именно поэтому представляется небесполезным рассмотрение повествования от первого лица с точки зрения взаимодействия существующих в тексте как минимум трех сознаний (не забудем про читателя).

«Роман XVIII и первой четверти XIX в. говорил в основном от первого лица. Автор вкладывал отчет о событиях, на которых основано действие, и сопутствующих им обстоятельствах в уста героя или наблюдателя, велел им записывать их в дневники, передавать в письмах, а часто и вовсе не утруждал себя обоснованием столь распространенного приема. <...> Нарратор до Соплицы разделял с автором его знание о фактах и его интерпретацию, говорил не за себя, а за него. Если бы такой роман перевести из первого лица в третье, представленная в нем точка зрения, оценки и суждения не претерпели бы существенных изменений» [Lewinowna: 417]. Вышесказанное справедливо можно отнести к роману Игнация Красицкого «Приключения Миколая Досвядчинского». Основной принцип «нормативного» [Магомедова: 76–77] повествования в романе не действует: персонаж не знает о себе практически ничего. Создается ощущение, что никакого внутреннего мира у героя нет вообще. Он не чувствует

и не переживает, он наблюдает, за собою, в частности. Досвядчинский приближен к тому носителю повествования, о котором говорит Шмид, различая диегетического и недиегетического нарратора: «Недиегетический же нарратор повествует не о самом себе как о фигуре диегесиса, а только о других фигурах» [Шмид: 81]. Досвядчинский принадлежит к вымышленному миру персонажей, действует в плане повествования, но сам для себя интереса не представляет. По внешним признакам (описание родителей, воспитания, увлечений), своего рода коду, мы узнаем типичного среднего шляхтича, однако потенциал я-повествования, раскрытие внутреннего мира персонажа, остается неиспользованным. Итак, форма повествования в романе Красицкого является моментом внешней организации текста, а не его особой субъектной структуры.

Если герой «Приключений» «я» не обладает вообще, то героиня рассказа Ольги Токарчук «Номера» обладает им с излишком и даже пытается избавиться от него, выбирая для этого типично постмодернистский способ: «снять» свою индивидуальность, как одежду, и превратиться в бело-розовую безликость героине не составляет труда, так же, как и совершить таинство обратного превращения. Уставшее от своей уединенности, «я» ищет спасение в абсолютной прозрачности, способно не только заполнять ею чужое пространство, но и вбирать в себя неповторимые черты «другого». Подобная активная безликость может быть ориентирована на преодоление внутреннего уединения, в другой момент способна выказывать признаки роевого мы-сознания, однако, никакую определенную форму принять ни в силах.

Такой тип я-повествования – один из наиболее популярных в литературе XX в. Эта литературная эпоха, по общему мнению, представляет собой кризисный период в истории мировой литературы, знаменующий кризис определенного типа сознания – сознания эгоцентрического, замкнутого в себе, уединенного. Для его носителя основная ценность, центр мироздания – собственное «я»; другие ему нужны лишь для самоутверждения, которое является движущей силой его жизни. В мире носителя я-сознания возможно все что угодно, поскольку в своих действиях и поступках он руководствуется свободой – прежде всего, свободой выбора, за который не несет ответственности.

Значение героя-носителя я-сознания, вошедшего в литературу в эпоху романтизма, усиливается в XX в.: «... К XX веку уединенное сознание уже не является конститутивной характеристикой «лишнего человека», а все более превращается в некую духовную норму культурной жизни (не только Европы, но и России). Назревает новый парадокс уединенного сознания, вполне проявивший себя в нашем столетии: уединенное сознание со своей внутренней маргинальностью из элитарного превращается в массовое» [Тюпа: 192]. Одновременно с возрастанием роли уединенного сознания в литературе, расширяется поиск путей его преодоления, приобретающий в XX в. особый размах.

Нам представляется, что все попытки преодоления уединенного сознания, которые демонстрирует нам литература XX в. в сфере я-повествования, сводятся, как правило, к одному из двух предложенных вариантов субъектной организации текста: герой-носитель я-сознания либо пытается вырваться из своей картины мира и получает полную поддержку автора, либо не желает или не может ничего менять и в этом случае не совпадает с автором. Второй вариант замечательно иллюстрирует «израильский цикл» Марека Хласко, герой которого стремится к абсолютной разобщенности с миром, но не способен этого достичь, т. к. эгоцентрическая картина мира, в которой он существует, подразумевает наличие иного мнения, необходимого для самоутверждения «я». Не срабатывающие оправдания и ответственность, которую герой вынужден нести за свои действия, свидетельствуют о том, что автор существует в иной системе ценностей.

Литература

Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.

Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М., 1971.

Магомедова Д.М. Парадоксы повествования от первого лица в рассказе А.П. Чехова «Шуточка» // Жанр и проблема диалога. Махачкала, 1982.

Тюна В.И. Парадоксы уединенного сознания – ключ к русской классической литературе // Парадоксы русской литературы. СПб., 2001.

Lewinówna Z. Posłowie // Rzewuski H. Pamiątki J.Pana Seweryna Soplicy. Warszawa, 1997.

**Модификация жанра авторской сказки
в чешской литературе рубежа XX–XXI вв.**

Королькова Полина Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Проблема авторской (литературной) сказки как особого жанра в творчестве писателей разных стран мира является весьма актуальной для современного зарубежного и отечественного литературоведения. Сопоставлением жанров фольклорной и авторской волшебных сказок на русском и зарубежном материале занимались многие известные исследователи. Однако, несмотря на то, что, с одной стороны, литературная сказка изучена уже весьма подробно, остается нерешенным еще множество связанных с ней проблем. Вот почему существенный вклад в разработку жанровой теории сказки могло бы внести исследование авторской сказки в славянских литературах, в том числе чешской авторской сказки, подробное изучение которой для разных этапов истории литературы до сих пор так и не завершено.

В то же время современное состояние этого жанра, его трансформация представляют большой интерес. Авторская сказка продолжает оставаться чрезвычайно популярной. Актуальность избранной темы подтверждает недавнее создание Михалом Вивегом – самым известным и читаемым современным чешским писателем – сборника сказок «Короткие сказки для

усталых родителей», а также популярность авторских сказок Вацлава Эрбена. Подобные произведения создаются в расчете на взрослую аудиторию, и существенно переосмысленный автором жанр сказки способен предложить особую форму игры, сказочно-фантастической условности. В ходе подобной игры происходит «узнавание» канона фольклорной сказки, выстраиваются особого типа «доверительные» отношения между автором и читателем и по-новому, с порой неожиданных точек зрения осмысливается современная действительность.

Кроме того, в течение последних десятилетий не только в чешской, но и во многих других современных европейских литературах наряду с возросшим интересом к жанру сказки наблюдается тенденция не просто к воспроизведению, но к самому разнообразному преломлению и переосмыслению сказочных элементов, мотивов и образов, к усвоению авторской сказкой принципов иных литературных жанров. Сказка может сближаться с жанрами фантастики, с притчей, сказочные элементы зачастую взаимодействуют с элементами мифологии и оказываются неразрывно связанными с ними. Наличие такой тенденции подтверждает нашу идею о том, что сегодня сказка – это не просто популярный, но и «живой», чрезвычайно актуальный жанр, способный дать литературе то, чего не могут иные жанровые формы, – особый способ взаимодействия автора и читателя, который мы предполагаем выявить и обосновать в нашей диссертации.

Итак, на рубеже XX–XXI вв. авторская сказка обретает новое рождение по меньшей мере на трех уровнях: уровне детской литературы, авторской сказки для взрослых и косвенно, путем взаимодействия с иными литературными жанрами в рамках тенденции, характерной для всего литературного процесса конца XX – начала XXI вв., – тенденции к смешению границ жанров и размыванию их канонов.

Образ маленького человека в романе словацкого писателя

Кресан Яна Юрьевна

Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

В читательском сознании тема «маленького человека» непосредственно связывается с русской литературой 40-х годов XIX в. Вместе с тем Ю. Манн обращает наше внимание на ее «интернациональность» [Литературная энциклопедия: 495].

Впервые данную тему начали рассматривать античные авторы, изображая сферу *частной жизни* [ЛЭС: 508] *обычного человека*. Впоследствии героя называли «маленьким». Он занял «одно из низших мест социальной иерархии» [Литературная энциклопедия: 494], что и определило его психологию. Маленький человек ощущает себя одиноким, уязвленным, ущербным. Причем «развитие сюжета строится как история обиды, оскорбления, несчастья» [495].

В романе Й.Ц. Гронского «Йозеф Мак» мы находим подобную психологию личности. Главный герой – крестьянин Йозеф Мак. Он чувствует себя одиноким и ненужным из-за своего социального положения – ему, незаконнорожденному сыну, нет места в деревне. Человек негосударственный, подчиняющийся австро-венгерской власти, Мак думает о том, как прокормить себя и семью. Поэтому он принимает жизнь такой, какова она есть.

Автор, мотивируя характер главного героя, использует прием психологического параллелизма, известного еще славянскому фольклору [Веселовский: 101]. Йозеф Мак, покоряясь своей судьбе, живет по законам природы. «А Грон рокотал. Он должен биться по порогам, должен идти вперед. А Грон рокотал. Да и Йозеф Мак тоже *подчинился закону*. Он тащился вверх по дороге без всякой охоты, *вынужденный смириться...*» [Cíger-Hronský: 102].

Причем образ героя типизируется, реалистически обобщается. Жизнь Мака отождествляется с жизнью всей словацкой нации. Автор отмечает: «Ты не просто Йозеф Мак, в тебе вся деревня. Тут все одинаково ведут борьбу... и не могут жить без крыши над головой, как и ты» [144].

Йозеф Мак – человек маленький. Ведь в нем *нет ничего исключительного*. Он «памятен как человечество и никогда как человек» [11]. Автор акцентирует внимание читателя на ничем не выделяющемся характере маленького человека, используя ряд номинаций [Исакова: 8] («человек-миллион», «Йозеф Мак-миллион»). В самой фамилии героя, помимо того, что она указывает на его незначительность, заложен принцип синекдохичности. Слово «мак» обозначает не только цельное растение, но и его семена. Выбором номинаций писатель подчеркивает, что Мак – всего лишь маленькая часть коллектива, нации, человечества.

Ряд словацких исследователей отмечают в романе влияние экспрессионизма. Воздействия модернистских концепций автору было трудно избежать, если учесть, что роман был написан в 1933 г. Произведения экспрессионистов отличаются трагическим восприятием действительности. В центре – **одинокий и страдающий человек, жертва. Образ главного героя Йозефа Мака** вполне укладывается в описанную схему. Влиянием экспрессионизма легко объяснить появление в романе мотива одиночества, основного при характеристике маленького человека. Душевное состояние героя писатель передает так же, как экспрессионист, с акцентом на натуралистичности: «И только душу в клочья рвали бешеные собаки... в пасти у них пенилась желтая нечистая слюна» [126].

В романе есть и *мотив жертвы*. Портрет Йозефа Мака абстрактный. Гронский, вводя в повествование элемент сказочности, рассказывает о некой фигуре в белом, которая одарила новорожденного мальчика «распятыми руками» и отказала дать «уста». Перечисленные детали вызывают у читателя ассоциацию с Иисусом Христом. Они иносказательно говорят о несчастьях, ожидающих

героя. Он сам воспринимает себя как жертву. Однажды Йозеф Мак скажет: «а я... Агнец Божий, принимающий на себя грехи людей» [146].

С мотивом жертвы связаны мотивы молчания и неподвижности. Здесь также можно усмотреть влияние модернистских концепций (достаточно вспомнить бельгийца Метерлинка и его понимание категории трагического, проявляющегося в повседневности и в молчании). Символично, что новорожденному Бог «не дает уста». Автор неоднократно подчеркивает «бессловесность» героя. Эта черта изначально заложена в характере простого труженика Йозефа Мака, который боится, «что не получится сказать, что надо» [201]. Используя косвенные номинации [Исакова: 21], автор сравнивает героя с неодушевленными предметами (бревном, деревом), показывая в нем отсутствие жизни.

Мотив неподвижности важен и при характеристике других персонажей. Сравнивая мать Йозефа Мака со статуей Девы Марии, «восковой куклой», автор отмечает заложенную в характере женщины жертвенность, в чем и заключена её сила. Юля, жена Мака, умирая, способствует возрождению героя, впервые почувствовавшего любовь к жене, а значит ожившего.

Исследование процесса создания образа маленького человека позволяет проследить, как национальное своеобразие вписывается в международный канон. Й.Ц. Гронский, с одной стороны, использует реалистическую типизацию, что подчеркивается выбором номинаций («Йозеф Мак», «человек-миллион», «Йозеф Мак-миллион»), с другой – элементы символизации (абстрактный портрет главного героя). Он также обращается к модернистским концепциям, в частности экспрессионизму. Использование приема психологического параллелизма подчеркивает славянскую специфику.

Литература

Веселовский А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля//А.Н. Веселовский. Историческая поэтика. М., 1989.

Исакова И.Н. Система номинаций литературного персонажа (на материале произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, А.А. Фета и Н.А. Некрасова). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001.

Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987.

Ciger-Hronský, Jozef. Jozef Mak/Dielo II. Tatran, 1993.

Современная украинская литература: основные тенденции развития

Полищук Елена Борисовна

Младший научный сотрудник, к.ф.н.,

Институт литературы им. Т.Г. Шевченка НАН Украины, Киев, Украина

Украинская литература начала XXI в. развивается преимущественно в русле художественного эксперимента, в усиленных поисках оригинального, свежего образа, нового содержания и формы. Современный литературный процесс

на Украине формируется тремя поколениями писателей, которые, так или иначе, влияют друг на друга. Сегодня продолжают творить поэты и прозаики старшей формации, которые начинали свой творческий путь в 50–60-х гг. (Анатолий Димаров, Роман Иванчук, Павел Загребельный, Валерий Шевчук, Лина Костенко, Ирина Жиленко и др.). В начале XXI в. лишь начинает формироваться поколение молодых, двадцатилетних писателей, произведения которых еще должны пройти испытание временем, но уже сейчас видны зерна таланта в текстах Любка Дереша, Светланы Поваляевой, Софии Андрухович, Андрея Бондаря, Ирены Карпы, Тани Малярчук, Наталии Сняданко.

Но все же, лицо современной украинской литературы – это творчество писателей, которые в 80-х и 90-х гг. вошли в украинский литературный процесс, а в настоящее время прочно утвердились в нем. Это поэты Наталия Билоцеркивец, Василий Голобородько, Тарас Федюк, прозаики Юрий Андрухович, Сергей Жадан, Богдан Жолдак, Оксана Забужко, Юрий Издрик, Мария Матиос, Вячеслав Медведь, Галина Пагутяк, Евгений Пашковский и др.

Современная украинская литература развивается в разных направлениях: от неоавангардной, альтернативной поэзии до интеллектуально-философской элитарной прозы; весьма популярны среди читателей постмодерные романы Юрия Андруховича, Оксаны Забужко; уверенно заявляет о себе молодая панк-литература; постепенно развивается литература массового характера.

В современном литературном процессе глубоким духовным содержанием, качественным художественным уровнем отличаются произведения, тяготеющие к философичности, актуализирующие традиционные национальные, общечеловеческие ценности, морально-этические приоритеты. Это романы Евгения Пашковского, Галины Пагутяк, Вячеслава Медведя, Марии Матиос, новеллы Любови Пономаренко. Каждый из этих авторов наполняет свои тексты вместилищами художественными символами, кодами, глубокими философскими размышлениями. Для литературы интеллектуально-философского направления особенно характерно обращение к христианским истинам, как к ориентиру моральности. Это та устойчивая мировоззренческая основа, которая в постмодерное время разрушения ценностей и авторитетов обеспечивает автору возможность твердо стоять на своих позициях.

Особое место в духовном пространстве современной украинской литературы занимает творчество Галины Пагутяк (романы «Писарь Восточных Ворот Пристанища», «Писарь Западных Ворот Пристанища», «Королевство» и др.). Это образец философской прозы, это разговор с читателем о том настоящем, что нас окружает, что обесценивается в мире абсолютных материальных благ, в мире, который оправдывает себя своей же безжалостной мудростью.

Говоря о произведениях философско-интеллектуального направления необходимо заметить: с начала девяностых годов в украинской литературе

прослеживалось стремление к так называемой «рафинированной элитарности». Речь о своеобразной герметичности, закрытости некоторых текстов для рядового читателя, о произведениях, рассчитанных на избранную читательскую аудиторию, преимущественно на филологов, культурологов-интеллектуалов (романы Вячеслава Медведя, Евгения Пашковского и др.). Для автора обращение к подобному виду творчества было попыткой отграничиться от доступного, «идейно понятного», официального языка литературы соцреализма. Это была необходимость писать по-другому, оппонируя нарративу официоза, – идеологически упрощенному, основанному на псевдоистинах. Таким образом, стремление к элитарности, прежде всего, связано со стремлением автора к честности, открытости, искренности с самим собой, со своим читателем. Закономерно, что основой этой литературы становится философизм, интеллектуализм, ведь она обращена к вечным истинам, пытается актуализировать их в эпоху ценностного вакуума, в эпоху, когда многие важные понятия стали банальны, утратили необходимую остроту. К примеру, речь романов Евгения Пашковского сложна, стиль близок к «потoku сознания». Тексты насыщены впечатлениями, ощущениями, эмоциями. Именно это принуждает читателя пристально всмотреться в проблемы, явления, о которых мы забываем в ежедневной суматохе.

Отдельной страницей современной украинской литературы является, представленная романами Юрия Андруховича, Юрия Издрика, Оксаны Забужко, постмодерная проза. Отражая фрагментарность, «разорванность» человека нашего времени на уровне мировоззренческом; на уровне конструирования текста пользуясь стилистическим инструментарием литературы постмодернизма (играя известными образами и смыслами, жонглируя литературными сюжетами, устоявшимися понятиями, идеологическими мифами и т. д.), украинские авторы, вместе с тем, последовательно актуализируют национальную тематику. Писателя-постмодерниста интересует Украина, её культура, политика, история – прошлое, настоящее, будущее страны (Оксана Забужко «Полевые исследования украинского секса»; Юрий Андрухович «Рекреации», «Московиада», «Перверзия» и др.).

Постепенно на Украине развивается и массовая литература. Появляются попытки авантюрного, криминального, приключенческого романа, детектива, фантастики, фэнтэзи. Интригующие динамические сюжеты, фантастические истории, повествования о любви, верности, предательстве – всё это предлагают украинским читателям романы Марины Гримыч, Марины и Сергея Дяченко, Ларисы Денисенко, Андрея Кокотюхи, Евгении Кононенко, Марины Медниковой, Ирен Роздобудько, Анны Хомы и др.

Появляются в современном литературном потоке и тексты маргинальные, художественная вторичность которых открыто, преднаме-

ренно подчеркивается автором, например, средством вульгаризации речи, как в произведениях Анатолия Днестрового, Леся Подервянского, Олесь Ульяненко. Изображая в романе «Пацики» мир люмпен-молодежи современного украинского города, Анатолий Днестровой пользуется криминализированным вариантом молодежной речи-арго, так называемым блатным сленгом. О духовном падении современного мира свидетельствует Олесь Ульяненко и речью, и тяжелой энергетической заряженностью романа «Сталинка». Неприкрытым представлен в произведении мир общественного дна: жизненный уклад украинских бомжей, проституток, преступников, которые так же тянутся к Богу, ведь во враче нуждаются именно больные грешники, а не здоровые праведники.

Весьма уверенно заявляет о себе и самое молодое литературное поколение, демонстрируя в своих произведениях широкий спектр культурологических, идеологических рефлексий. В текстах «двадцатилетних» прослеживается влияние массовой культуры, постмодерной литературы, интернет-, киноиндустрии и т. д. Этой литературе свойственны: ирония – от беззаботно-легкой до циничной, остроумие, подростковый максимализм, нигилизм (произведения Софийки Андрухович, Наталии Сняданко, Любка Дереша), негативизм, асоциальность, иногда неоправданная агрессия (так называемая панк-проза Ирены Карпы). Появляются и произведения, в которых доминирует романтичность, лиричность (тексты Татьяны Малярчук, Марины Соколян). «Молодую литературу» характеризуют, с одной стороны, предельные настроения разочарования, отчаяния, безразличия. С другой стороны, она обращается к вечным вопросам поиска смысла жизни, счастья, любви...

Современная украинская литература, как частичка литературы мировой – явление разностороннее, оригинальное. Она богата талантами, жанрово разнообразна, предлагает широкий спектр направлений, стилей, сохраняет собственную яркую индивидуальность, национальное лицо.

Нейтральная форма обращения в современном украинском языке

Хазанова Маргарита Игоревна

Студент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Нейтральная форма обращения используется в случаях, когда нужно привлечь внимание и установить контакт с собеседником, с которым говорящий стоит на одной социальной ступени.

Обращение – одна из самых чутких к изменениям во внеязыковых сферах человеческой деятельности языковых единиц. В результате социально-политических перемен рубежа XX и XXI вв. произошла смена нормы в области нейтрального обращения. На смену принятому на тер-

ритории УССР обращению *товариш* (без отдельного деривата для женщины) пришло *пан/пані* (с дериватом для обозначения женщины).

Разные сферы употребления языка с разной скоростью реагируют на изменения в области языковой нормы. Наиболее часто употребляется форма *пан/пані* в официально-деловой речи, в меньшей степени в художественном тексте. Наиболее консервативным оказывается разговорный язык. На выбор формы влияют характеристики самого говорящего (его возраст, его социальный статус, степень образования, региональное происхождение, положение относительно собеседника) и коммуникативная ситуация.

Наравне с устаревшей формой *товариш* и новой *пан/пані* в функции нейтрального обращения встречаются формы *добродій/добродійка*, обращение по имени и отчеству, имени и фамилии, имени, отчеству и фамилии. Такая вариативность в формах указывает на то, что единая форма выработана только на уровне нормативной грамматики, но не подкреплена узусом. К тому же действует еще и другой фактор: общая ориентация в сфере языковой нормы идет на язык и достижения в области кодификации его в первой половине XX в., представленный как в словарях, грамматиках, так и художественных текстах. А в тот период развития языка единого нейтрального обращения, принятого на всей территории функционирования украинского языка не было, так же использовались разные формы.

Помимо указанных выше факторов действует также стремление украинского языка противопоставить себя русскому, долгое время бывшего (и до некоторой степени остающегося) языком-агрессором. Поэтому форма *товариш* осознается не только формой, обозначающей определенную социальную реалию, которой больше не существует, но и формой «не украинской», что противоречит данным истории языка: слово *товариш* является традиционной формой обращения к равному для украинского языка, наравне с *добродій / добродійка* и *пан / пані*.